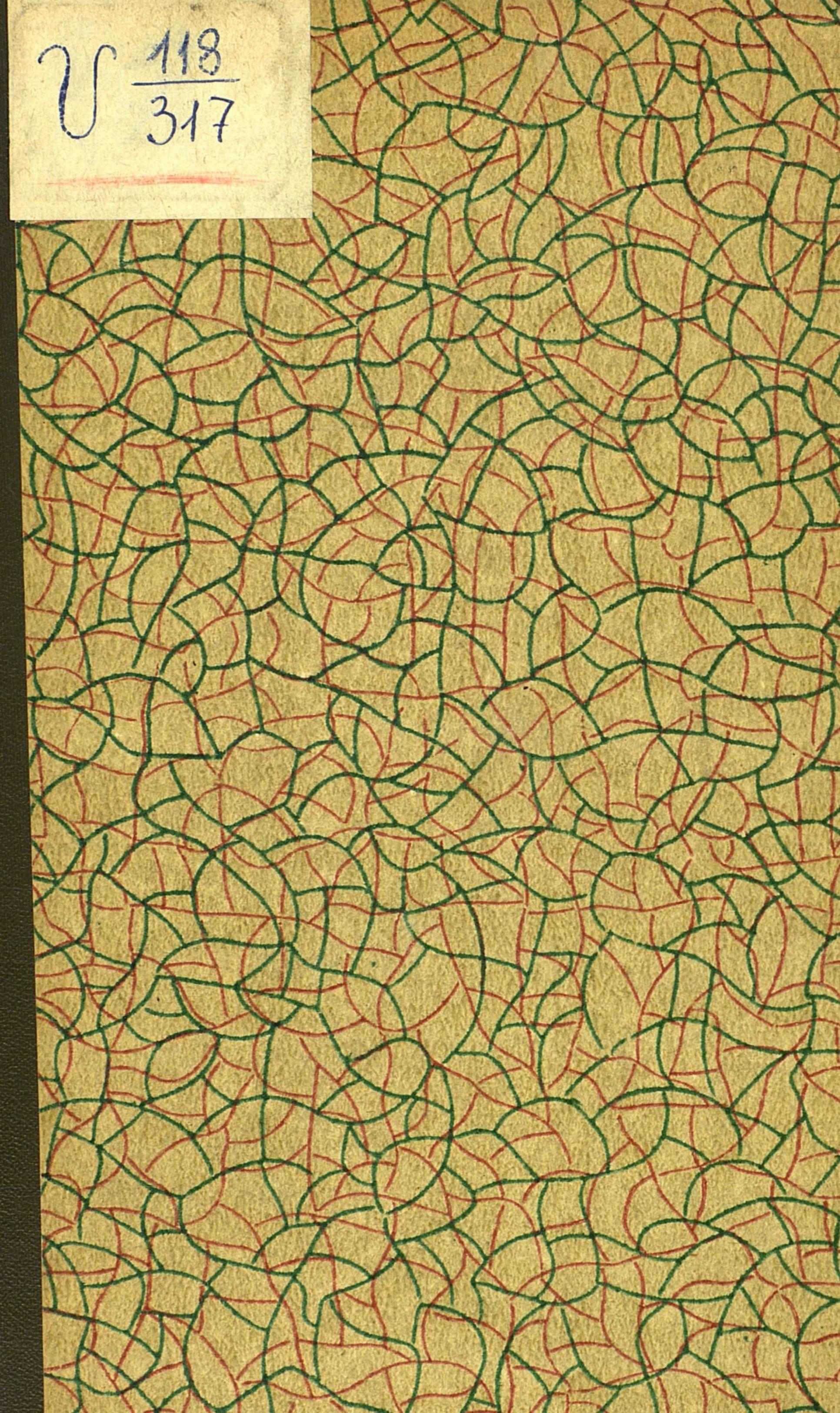

U $\frac{118}{317}$

118
317

Свящ. А. Тлаголевъ.

ПАМЯТИ

блаженно-почившаго всероссійскаго пастыря

О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

Чтеніе, предложенное въ день первой годовщины Кронштадтскаго пастыря—20 декабря 1909 года въ залѣ Кіевскаго Религіозно-Просвѣтительнаго Общества.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра. Акціонернаго Общества печати.
и издательскаго дѣла. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица, домъ № 6.

1910.

У 118
317.

Свящ. А. Тлаголевъ.

ПАМЯТИ

блаженно-почившаго всероссійскаго пастыря

О. ЮАННА КРОНШТАДТСКАГО

Чтеніе, предложенное въ день первой годовщины Кронштадтскаго пастыря—20 декабря 1909 года въ залѣ Кіевскаго Религіозно-Просвѣтительнаго Общества.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра. Акціонернаго Общества печатн. и издательскаго дѣла. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица, домъ № 6.

1910.

ПАМЯТИ

блаженно-почившаго всероссійскаго пастыря

о. Іоанна Кронштадтскаго.

Нынѣ вся православная Россія творить молитвенное помяновеніе блаженно почившаго о Господѣ великаго пастыря и молитвенника земли Русской отца Іоанна Кронштадтскаго ради исполнившейся въ сей день первой годовщины его честнаго преставленія. И сами собою воскресаютъ теперь въ душахъ нашихъ тѣ гнетущія мысли, тѣ чувства жгучей скорби по поводу невознаградимой потери, какія цѣлымъ родемъ пронесли тогда по лицу православной страны нашей—отъ царскаго престола до послѣдней хижины бѣдняка, отъ освященнаго собора іерарховъ помѣстной русской Церкви до каждаго рядового мірянина въ ней. Подлинно то былъ всеобщій, всенародный плачь всей православной Россіи, въ молитвенной памяти объ отцѣ Іоаннѣ сплотившейся въ одну нравственную семью и единодушно оплакивавшей въ Бозѣ почившаго отца и благодѣтеля своего. Смысль этого всеобщаго плача, этой всезахватывающей скорби мы не обинуясь можемъ выразить тѣмъ же восклицаніемъ, которымъ нѣкогда проводилъ пророкъ Елисей возносившагося на небо великаго учителя своего славнаго пророка Ілію: „Отець мой, отець мой! колесница Израиля и конница его (4 Цар. 2, 12)!“

воскликнулъ тогда пророкъ Елисей о пророкѣ Іліи, выражая ту мысль, что великій Ілія былъ могучимъ оплотомъ силы и безопасности современнаго ему Израиля. Подобнымъ образомъ и охватившее весь православный русскій народъ всеобщее чувство сиротства со смертію отца Іоанна есть выраженіе глубокаго сознанія, что въ лицѣ его святая Русь лишилась великаго оплота своей безопасности, потеряла истиннаго ангела-хранителя своего.

Подлинно, это былъ великій боголюбецъ и братолюбецъ, о которомъ опять можно повторить слова, сказанныя нѣкогда о пророкѣ Іереміи: „Это—братолюбецъ, который много молится о народѣ и святомъ градѣ“... (2 Макк. 15, 14). Вѣдь онъ слишкомъ 25 лѣтъ, т. е. всю вторую половину своего 53-лѣтняго пастырскаго служенія, занималъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, психологическій центръ русской народной жизни; вѣдь около личности Кронштадтскаго пастыря въ послѣднія 30 лѣтъ образовалось своеобразное народное движеніе на религіозно-церковной и морально-бытовой почвѣ. Притягательная сила о. Іоанна для широкихъ народныхъ массъ заключалась ближе и прежде всего въ неисчислимыя дѣла духовнаго и вещественнаго благотворенія, совершавшихся имъ для неограниченнаго круга людей: къ пастырю—несравненному молитвеннику, къ пастырю—совѣтнику, къ пастырю—благотворителю устремлялись милліоны людей, имѣвшихъ нужду въ дѣйственной, врачующей немощи духа и тѣла, молитвѣ, въ духовномъ совѣтѣ, въ благотвореніи разнаго рода, — стремились и получали каждый въ мѣру своей вѣры. Но затѣмъ это безпримѣрное тяготѣніе народа къ почившему о. Іоанну, бывшему въ собственномъ смыслѣ всероссійскимъ народнымъ пастыремъ, имѣло въ своей основѣ, несомнѣнно, исключительную близость о. Іоанна народному сердцу, народному русскому духу, задушевному идеаламъ, завѣтнымъ чаяніямъ православнаго русскаго народа. „Подобно Ломоносову, — говоритъ г. Меньшиковъ, — о. Іоаннъ вышелъ изъ глухихъ сѣверныхъ преданій, изъ той благочестивой старины,

которая осталась въ полузабытомъ прозвищѣ: „Святая Русь“. Невдалекѣ отъ освѣщающихъ сѣверъ, точно полярное сіяніе, гробницъ угодниковъ соловецкихъ о. Іоаннъ воспринялъ свое озареніе вѣры, свою глубокую приверженность къ непостижимому Богу, свою страсть къ Христу и къ общенію съ Нимъ чрезъ трогательные обряды, древніе, какъ самъ народъ, священныя, какъ родное прошлое... Неподвижный и пламенный въ своей вѣрѣ отецъ Іоаннъ—самое великое, что создалъ простой народъ за послѣднія 80 лѣтъ. О. Іоаннъ—носитель народной культуры, отъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, отъ Сергія Радонежскаго до Тихона Задонскаго и Серафима Саровскаго. Плоть отъ благороднѣйшей плоти народа, кость отъ костей его, Кронштадтскій старецъ не мечталъ только о святой Руси, какъ Толстой, а самъ былъ святою Русью, самъ несъ ее въ своемъ сердцѣ. Вотъ чѣмъ онъ былъ дорогъ народу. Вотъ почему народъ сразу призналъ его своимъ, какъ всѣ видятъ свѣтильникъ на верху горы¹⁾.

Давно и не напрасно сказано, что русскій нашъ народъ—богоносецъ, что высшее призваніе его—святость, а высшій идеаль „жить—Богу и правдѣ Его служить“. Но разладъ и противорѣчіе идеала съ дѣйствительною жизнію на Руси даетъ себя чувствовать нисколько не менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, если еще не болѣе,—и вотъ почему такой подлинный богоносецъ, какъ о. Іоаннъ, и былъ пастыремъ по сердцу народному.

Не случайно, думается (въ царствѣ благодати ничто не совершается случайно), и самое преставленіе его послѣдовало въ день празднованія св. Церковью памяти св. Игнатія Богоносца и въ первый день церковнаго предпразднества Рождества Христова: великій пастырь—богоносецъ, всю жизнь отдавшій на служеніе Христу Богу, воплотившемуся нашего ради спасенія, и долженъ былъ отойти къ Богу именно въ настоящій нарочитый день.

¹⁾ М. Меньшиковъ. „Христіанинъ“. 1909, май, стр. 187.

Благочестіе и праведность о. Іоанна, несомнѣнно, носятъ русскій народный отпечатокъ; въ о. Іоаннѣ сильно выразился и живо воплотился нашъ національный геній въ его религіозномъ направленіи. Однако было бы большой несправедливостью ограничивать его праведность однѣми чисто національными рамками. Напротивъ, въ его духовномъ обликѣ гораздо болѣе чертъ христіанства вселенскаго, евангельскаго. Это, конечно, надо сказать прежде всего о живой и животворящей вѣрѣ о. Іоанна въ Бога и Христа Спасителя, а также о не менѣе живой и дѣятельной любви его къ ближнимъ: обѣ эти коренныя христіанскія добродѣтели являли въ немъ истиннаго послѣдователя Христова и подлинно добраго пастыря по духу евангельскому. Вѣрою Христовою были проникнуты все его существо, вся его жизнь и дѣятельность; вѣра Христова была родною стихіею его духа; ею онъ жилъ въ каждое мгновеніе своей жизни и ею же возгрѣвалъ божественный пламень вѣры и любви въ сердцахъ милліоновъ людей. Въ высокой степени облагодатствованный, онъ съ полнымъ правомъ могъ бы приложить къ себѣ слово Апостола: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). И Христосъ подлинно обиталъ въ немъ,—обиталъ не какъ отвлеченное начало, не какъ совокупность истинъ вѣры, но какъ живая Личность, какъ вѣчно живущій Богочеловѣкъ, давшій и выну выполняющій Свое обѣтованіе вселяться въ сердцахъ любящихъ Его и отверзающихъ Ему двери сердца своего (Іоанн. 14, 21. 23. Апок. 3, 20). По вѣрѣ во Христа о. Іоаннѣ какъ бы утратилъ свое личное существованіе, свою личную жизнь,—его жизнь сдѣлалась, по собственному и любимому его выраженію, „жизнію во Христѣ“. „Излюбленная мысль о. Іоанна, которая главенствуетъ въ его проповѣдяхъ и дневникахъ, есть та дорогая для православнаго сознанія истина, что *всѣ мы въ Бога составляемъ одно: ангелы, святые угодники и христіане, совершающіе свое спасеніе, живые и умершіе*. Ближайшими способами этого единенія являются: возношеніе

души нашей къ Богу въ молитвѣ и тѣснѣйшее соединеніе со Христомъ Богомъ въ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи“¹⁾.

Самымъ яркимъ проявленіемъ глубокой, живой и чудотворящей вѣры о. Іоанна была его молитва, чудотворными дарами которой онъ такъ прославился не только въ цѣлой Россіи, но и далеко за ея предѣлами. Къ нему за молитвою обращались не одни православные, а и инославные, даже не-христиане: и тѣ многократно испытывали чудодѣйственную силу молитвы о. Іоанна. Молитва его, по заповѣди апостола, была непрестанная, и въ ней онъ черпалъ благодатныя силы для несенія непомѣрныхъ трудовъ и подвиговъ своего свыше полувѣковаго пастырскаго служенія. Въ молитвѣ своей о. Іоаннъ всегда зрѣлъ предъ собою Бога и святыхъ, почему и молящимся съ нимъ казалось, что тогда „небеса отверзались, и слышался шелестъ ангельскихъ крыльевъ“. „Когда, окруженный немощными, обездоленными и обремененными, онъ горячо призывалъ милость Божію, то многимъ чудилось, что Раздаятель милостей стоитъ вотъ тутъ гдѣ-то и только ждетъ, пока о. Іоаннъ кончитъ свой пламенный призывъ, чтобы излить просимыя милости“ („Христ.“ 1909, янв., стр. 147).

Изъ кладезя вѣры и молитвы получала освященіе вся жизнь о. Іоанна, бывшая воистину жизнію праведника, единымъ „хожденіемъ предъ Богомъ“. Но особенно торжественно проявлялась вѣра о. Іоанна въ Бога, Милосердаго, Творца, Промыслителя, Спасителя и Освятителя при совершеніи „міроспасительной“ литургіи, когда чистая душа великаго пастыря разгоралась небеснымъ, божественнымъ пламенемъ вѣры, любви и молитвы. Тысячекратно выражалъ онъ мысль, что Божественная служба, болѣе всего литургія—безцѣнное сокровище жизни, воспитаніе, врачеваніе, пища, предвкушеніе будущаго блаженства, и что Божественной литургіи, (ежедневно имъ совершаемой) онъ обязанъ не только по-

¹⁾ Архіеп. Антоній. „Христианинъ“. 1909. іюнь—іюль, стр. 392.

стояннымъ обновленіемъ своихъ жизненныхъ силъ, но и самымъ продолженіемъ бытія своего.

Пламенная любовь къ Богу, при живой—до осязательности—вѣрѣ въ Бога, у о. Іоанна нераздѣльно была соединена съ любовью къ людямъ,—своимъ и чужимъ, ближнимъ и дальнимъ, единовѣрнымъ и иноувѣрнымъ, а особенно къ душевно и тѣлесно страждущимъ всякаго рода. Отсюда его безпримѣрная по объему и широтѣ благотворительность. Много, неисчислимо много благотворилъ онъ лично и непосредственно,—благотворилъ, по заповѣди Евангелія, такъ, что лѣвая рука его не знала, что дѣлаетъ правая (Матѣ. 6, 3), благотворилъ безъ разсудочно-холодной разборчивости между просителями, идя на встрѣчу всякой непокрытой нуждѣ и бѣдности, подавая, до послѣдней возможности, всякому требующему дневного пропитанія, одежды или иной насущной поддержки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внесъ въ дѣло русской благотворительности новое начало, отдавая предпочтеніе упорядоченной общественной благотворительности, основанной на разумныхъ и нравственныхъ началахъ труда, взаимопомощи и самопомощи. Созданный имъ (первый въ Россіи) домъ трудолюбія въ Кронштадтѣ навсегда остается памятникомъ его задушевныхъ думъ, его неустанныхъ заботъ о помощи бѣднякамъ, о направленіи ихъ жизни на путь добра, порядочности и спасенія. Одному Богу вѣдомы многочисленныя жертвы отца Іоанна на устройство по лицу земли Русской монастырей, храмовъ, школъ, вообще всякаго рода просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій.

Кратко говоря, „явленіе духа и силы“ (1 Кор. 2, 4) въ лицѣ о. Іоанна—единственная разгадка его всенароднаго вліянія при жизни, всеобщаго народнаго плача о немъ по смерти его и—прибавимъ съ твердою надеждою—его неумирающей памяти и по смерти. Какъ истинный христіанинъ, какъ добрый пастырь Христова стада, онъ былъ носителемъ и выразителемъ той истинно духовной жизни, тѣхъ вѣчныхъ чистыхъ и возвышенныхъ стремленій и чаяній, какія должны

быть присущи всѣмъ безъ изъятія христіанамъ. Знаменитое сочиненіе о. Іоанна „Моя жизнь во Христѣ“, переведенно на многіе европейскіе языки, должно быть настольною книгою каждаго христіанина, тѣмъ болѣе пастыря. Исполненный благодатнаго духа и силы, о. Іоаннъ въ теченіе полувѣка былъ признаннымъ духовнымъ вождемъ цѣлаго народа, былъ духовнымъ маякомъ, разливавшимъ лучи божественнаго и духовно-нравственнаго свѣта среди грѣховной тьмы, облежавшей страну нашу.

Было бы непозволительною дерзостью пытаться проникнуть въ тайну развитія совершенствованія о. Іоанна по закону Христову. „Кто бо разумъ умъ Господень, иже изъяснитъ и?“ (1 Кор. 2, 16). Но для насъ въ высокой степени важно, драгоцѣнно и поучительно самосвидѣтельство о. Іоанна о тѣхъ путяхъ и средствахъ нравственно-религіозной жизни, какими онъ пользовался въ началѣ своего жизненнаго подвига и которыхъ не оставлялъ и впослѣдствіи.

„Что прежде всего, говоритъ о. Іоаннъ, положило начало моему обращенію къ Богу и еще въ дѣтствѣ согрѣло мое сердце любовью къ Нему? Это—святое Евангеліе. У родителя моего было Евангеліе на славяно-русскомъ языкѣ; любилъ я читать эту чудную книгу, когда пріѣзжалъ домой на вакаціонное время, и слогъ ея и простота рѣчи были доступны моему дѣтскому разумѣнію; я читалъ и услаждался ею и находилъ въ этомъ чтеніи высокое незамѣнимое утѣшеніе. Это Евангеліе было со мною и въ духовномъ училищѣ. Могу сказать, что Евангеліе было спутникомъ моего дѣтства, моимъ наставникомъ-руководителемъ, утѣшителемъ, съ которымъ я сроднился съ раннихъ лѣтъ“. „Особенно я любилъ читать Библію и толкованіе Златоуста на Евангеліе“. „Съ первыхъ дней своего высшаго служенія въ церкви... я принялся за чтеніе Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, извлекая изъ него назидательное для себя, какъ для человѣка, священника и члена общества“.

Другой путь единенія съ Богомъ — внимательное изученіе богослуженія, этого великаго созданія Церкви. Съ глубокою болью замѣчая паденіе вниманія къ службѣ церковной и протекающее отсюда религіозное равнодушіе и холодность, о. Іоаннъ полагалъ, что виновны здѣсь не одни слушатели, а и самыя совершители: они не давали слушателямъ всего, что было дано въ богослуженіи, потому что сами не могли войти полными хозяевами во владѣніе сокровищницей богослуженія. Чтобы ввести слушателей въ духъ богослуженія, нужно самому понять душу богослуженія: оно написано слезами, любовью, слѣдовательно, только слезами и можно войти въ него. Нужно съ душой, раскрытой для любви, пытаться понять богослужебный чинъ Св. Церкви, воскресить въ душѣ своей тѣ чувства, какія создали литургію. И вотъ онъ читаетъ служебникъ и требникъ, вдумываясь въ каждую мысль, мысленно переносясь въ длинныя галлерей катакомбъ, въ тѣ горницы, гдѣ святые „агапы“ совершались съ дѣйствительною Христовою любовью. Созданное вдохновеніемъ любви, оно и въ немъ будить то же вдохновеніе и дѣлаетъ его службу пророческой, воскрешаетъ въ ней служеніе христіанъ первыхъ вѣковъ.

Третій путь, обязательный для христіанина и пастыря, — молитва; этотъ путь — все: безъ него нѣтъ ни пониманія Писанія, ни пониманія литургіи, какъ духовнаго дѣланія. Молитва освѣщаетъ и страницы Писанія и букву служебника. Но молитвѣ надо учиться. *Methodъ* о. Іоанна въ усвоеніи дара молитвы прекрасно описанъ въ его дневникѣ. „Даръ молитвы приобрѣтается усиліемъ. Средство для этого — настойчивость въ молитвѣ, а главное — въ способности сосредоточить свои мысли на образахъ Неба. Когда молишься Богу, вообрази живо, Кому ты молишься! Ты молишься безначальному и безконечному Царю всякой твари, всесвятому, всеблагому, всемогущему, премудрому, вездѣсущему, всеправедному, предъ Которымъ благоговѣютъ милліоны милліоновъ ангеловъ различныхъ порядковъ, Коего воспѣваютъ воинства

мучениковъ, сословіе пророковъ и апостоловъ, соборы святителей, преподобныхъ и праведныхъ“. Развить въ себѣ способность молитвы значить развить въ себѣ способность представлять себѣ живо Бога, Его святой ликъ. Самъ о. Іоаннъ въ высокой степени пріобрѣлъ эту способность и во всякое время сосредоточивалъ въ себѣ великую силу молитвы. Но тайну этого благодатнаго молитвеннаго дара онъ хотѣлъ передать и другимъ, какъ видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго образнаго разсужденія и наставленія его о молитвѣ. „Зажигательное стекло тогда зажигаетъ дерево или бумагу, или другое что удобосгораемое, когда мы наведемъ его на предметъ такъ, что лучи солнечные, сосредоточенные въ фокусѣ стекла, всѣ сосредоточиваются на одной точкѣ зажигаемаго предмета, всею своею совокупностью дѣйствуютъ на него, и, такимъ образомъ, какъ бы все солнце въ уменьшительномъ видѣ помѣщается на предметѣ. Такъ и въ молитвѣ,—тогда душа наша согрѣвается, оживляется и воспламеняется умнымъ Солнцемъ—Богомъ, когда умомъ своимъ, какъ зажигательнымъ стекломъ, мы наведемъ на сердце, какъ на духовную точку въ нашемъ существѣ, это мысленное Солнце, и когда Оно будетъ дѣйствовать на сердце всею Своею простотою и Своею силою. Тоже о Богоматери, объ ангелахъ и святыхъ. Наведи на свое сердце ихъ образы такъ, какъ они есть, со всею силою и святынею пусть сердце приметъ озареніе ихъ на себя съ возможною полнотою и силою, и оно воспламенится ихъ любвеобильнымъ, какъ бы огненнымъ дѣйствіемъ: ихъ чистота, святость, благодать, сила сообщится твоему сердцу, и оно будетъ само очищаться, само укрѣпляться въ вѣрѣ и любви, и чѣмъ далѣе, чѣмъ рѣшительнѣе и постояннѣе ты будешь имѣть сердце свое обращеннымъ къ Нему и Его святымъ, тѣмъ больше сердце твое будетъ просвѣщаться, очищаться и оживляться“. Легко видѣть, что въ этихъ словахъ великаго молитвенника начертывается опытно извѣданный имъ самимъ путь молитвеннаго

подвига, и преподается духовное руководство къ тому же подвигу и всѣмъ вѣрующимъ.

Четвертый путь дѣятельнаго единенія съ Богомъ, по ученію о. Іоанна, — работа на меньшихъ братьевъ, дѣятельная любовь къ ближнимъ. Въ этой добродѣтели благотворенія, частнаго и общественнаго, какъ мы видѣли, о. Іоаннъ преуспѣлъ въ особенности, и слава его, какъ великаго благотворителя, равнялась съ его чрезвычайною извѣстностью чудотворящаго молитвенника.

Чтеніе Слова Божія, изученіе исторіи и состава Богослуженія Православной Церкви, молитва и благотворительность — таковы четыре пути духовно-нравственнаго совершенствованія о. Іоанна, по собственному его свидѣтельству.

Но мы нисколько не погрѣшимъ, напротивъ, восполнимъ недостающее, если укажемъ еще и пятый путь восхожденія нынѣ поминаемаго великаго пастыря къ совершенству христіанской жизни. Это — путь исповѣдничества и страданія за проповѣдуемую имъ евангельскую, вселенско-христіанскую истину. Мы думаемъ и убѣждены, что о. Іоаннъ никогда не достигъ бы того совершенства праведности, какое было его удѣломъ, если бы не отличался въ теченіе всей жизни своей тѣми добродѣтелями перенесенія скорбей и преслѣдованій за истину Христову, награды за которыя обѣщаны Христомъ Спасителемъ въ восьмомъ и девятомъ блаженствахъ (Мѡ. 5, 10. 11. Лук. 6, 22). Принято думать, что такое преслѣдованіе и гоненіе за истину Христову о. Іоаннъ началъ испытывать лишь съ 1905 года, когда началась противъ него ожесточенная газетная травля и вообще обнаружилась съ необычайною силою вражда извѣстныхъ слоевъ общества противъ Кронштадтскаго пастыря.

Но такой взглядъ, ограничивающій злословія о. Іоанна тремя послѣдними годами его жизни, необходимо признать крайне поверхностнымъ, невѣрнымъ и по существу и фактически. Рѣдко добродѣтель и ея носители остаются безъ преслѣдованія со стороны порока и людей порочныхъ. Если уже

въ Вѣтхомъ Завѣтѣ великіе подвижники благочестія, „тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горахъ, по пещерамъ и ущельямъ земли“ и терпѣливо всяческія лишенія и озлобленія до побоевъ и мученической смерти (Евр. 11, 36—38), то въ Новомъ Завѣтѣ такое положеніе добродѣтели въ мірѣ предсказано Самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ. Изъ устъ нашего Господа первые послѣдователи Его слышали не только предсказаніе: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоанн. 16, 33, сн. 15, 19), но и предостереженіе: *горе, егда добръ рекуть вамъ вси челоуѣци* (Лук. 6, 26).

Возможно ли теперь, чтобы людская злоба и вражда оставляла въ покоѣ о. Іоанна въ его слѣдованіи по пути добродѣтели цѣлыя 50 лѣтъ его служенія (1855—1905 г.г.)? Это, безъ сомнѣнія, вещь невысказанная сама по себѣ и совершенно недопустимая по фактическимъ даннымъ. Въ дѣйствительности жизненные тернія устилали весь жизненный путь Кронштадтскаго пастыря, начиная съ перваго года его пастырства. Непониманіе и даже издѣвательства со стороны отдѣльныхъ представителей населенія Кронштадта, непріязнь настоятеля собора къ о. Іоанну, неблаговоленіе къ нему епархіальной власти, зависть сопастырей, столкновенія съ гражданскими властями и многое другое вплоть до обвиненій въ еретичествѣ (!!) — все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало бы жизненное иго отца Іоанна неудобноносимымъ, если бы его живая вѣра въ Христа Спасителя, его высокое христіанское терпѣніе и благодушіе не превращали это иго въ благое и легкое иго и бремя Христово. О. Іоаннъ всю жизнь понесъ подвигъ исповѣдничества за истину Христову, — и это болѣе всего возвысило его на ту духовную высоту, на какой онъ стоялъ по всенародному признанію. И мы глубоко вѣримъ — и думаемъ, что выражаемъ общенародное наше убѣжденіе, что къ памятнику, воздвигнутому себѣ о. Іоанномъ своими дѣлами и жизнію, никогда не заростетъ народная тропа.

Запомнимъ твердо, что тѣ пути христіанскаго совершенствованія, какіе проходилъ о. Іоаннъ,—не иные, какъ общехристіанскіе,—и на насъ, его почитателяхъ, лежитъ священный долгъ—въ мѣру силъ cadaго подражать ему въ слѣдованіи по тѣмъ путямъ. Это, несомнѣнно, будетъ пріятнѣйшей ему плодъ благоговѣйнаго почитанія нами его памяти.

А теперь, послѣдую наставленію о. Іоанна—обращаться къ почившимъ съ просьбами, какъ къ живымъ, воззовемъ—отъ лица папства православнаго и всего нашего православнаго народа—съ мольбою къ его бессмертному духу: *да будетъ духъ, иже въ тебѣ, суубъ въ насъ* (4 Цар. 2, 9)!

2007080152